

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН И ЕГО ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА

Анатолий Станиславович Гагарин*

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Аннотация. Владислав Крапивин создал единственный в мире успешный проект, настоящий «жизненный корабль», который уже много лет идет, искусно обходя рифы, мели и водовороты, увлекая детей и подростков настоящим делом, сотрудничеством, сочетающим мечты, фантазии и реальный труд по созданию кораблей, обретение мастерства владения инструментами и навыков вождения яхт, искусство фехтования и участие в театральных и киноопытах. Эти фундаментальные основы сформировали суть уникальной экзистенциальной этики Крапивина — философа и писателя. Главное в его оптимистичной экзистенциальной этике — изменение мира к лучшему путем укрепления нравственности и доброго отношения людей друг к другу, всемерного расширения понятия ответственности «за все: за детей, за стариков, за мир на Земле, за будущее планеты, за само звание Человека».

Ключевые слова: В. П. Крапивин, дружба, детство, подвиг, экзистенциалы человеческого бытия, одиночество, страх, смерть

---

* А. С. Гагарин — доктор философских наук, профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, член Союза писателей России.

VLADISLAV KRAPIVIN AND HIS OPTIMISTIC EXISTENTIAL ETHICS

Anatoly Stanislavovich Gagarin

*Ural Federal University,
Ekaterinburg*

Abstract. Vladislav Krapivin created the only successful project in the world, a “real life ship”, which has been going for many years, skilfully bypassing reefs, shoals and whirlpools, captivating children and teenagers with real work, coworking, combining both dreams, fantasies, and real work on creating ships, gaining mastery of tools, gaining skills in yacht driving, the art of fencing, theater and film experiments. All these fundamental foundations formed the essence of Krapivin’s unique existential ethics as a philosopher and writer. The main thing in his optimistic existential ethics is to change the world for the better by increasing morality and the kind attitude of people to each other, the full expansion of the concept of responsibility “for everything: for children, for the elderly, for peace on Earth, for the future of the planet, for the very title of Man”.

Keywords: V. P. Krapivin, friendship, childhood, feat, existentials of human existence, loneliness, fear, death

Мое погружение в художественный мир В. Крапивина началось, как у многих почитателей его таланта, с повестей в журнале «Пионер», выпуски которого ждали с нетерпением. Уже тогда меня поразило уникальное дар писателя передавать мироощущение подростка с особой щемящей интонацией, пронизанной жаждой Поступка, поиском Друга, стремлением к Справедливости.

Сразу стало понятно — это мои книги, это мой мир, без фальши, назидательности, тревожный и в то же время очень родной, притягательный, и знакомый, и неожиданный. Всё, как в наших фантазиях, играх в мушкетеров и в «штабы» — мои сверстники помнят, как дети строили всякие «штабы», где только можно: на чердаках и на деревьях, в подвалах и укромных уголках. Собственно, из такого «штаба» и родилась «Каравелла», которую создал Владислав Петрович Крапивин и стал ее Командором.

Вторая история погружения в мир жизнетворчества Крапивина случилась, когда мой отец, Станислав Семенович Гагарин, штурман дальнего плавания и писатель, после встречи с «каравелловцами» с большим воодушевлением рассказывал мне, что «Каравелла» — это исполнение мечты пацанов и девчонок, о которой грезил он, паренек из сухопутного Моздока, и осуществил ее, окончив мореходку и пройдя сначала по Северному морскому пути, а затем — по всему миру, от Атлантики до Южной Америки.

Как известно, в 1961 году Владислав Крапивин создал детский отряд, получивший позднее название «Каравелла», а через несколько лет над этим отрядом взял шефство журнал «Пионер». Обретение подобного «шефа» было очень правильным решением, ведь инициатива молодого писателя требовала всесторонней поддержки и, честно говоря, защиты как от дураков, так и от «регламентаторов». Профиль отряда — журналистика, морское дело, фехтование — всё то, что, как показало время, закаляет характер и помогает «шлифовать» таланты.

Владислав Крапивин создал уникальный успешный проект (как сейчас принято говорить), настоящий «жизненный корабль», который уже много лет идет, искусно обходя рифы, мели и водовороты, увлекая детей и подростков настоящим делом, сотрудничеством, сочетающим мечты, фантазии и реальный труд по созданию кораблей, обретение мастерства владения инструментами и навыков вождения яхт, искусство фехтования и участие в театральных и киноопытах. Эти фундаментальные основы сформировали суть уникальной экзистенциальной этики Крапивина — философа и писателя.

Перейду теперь к научным формулировкам. Если слово «экзистенция» характеризует неналичное, сущностно-несубстанциальное бытие человека, представляющее как его возможности, потенциальности, как выражение единственности, уникальности каждого и его судьбы, если это — интимно-личностная вариативная судьбинность, то, соответственно, экзистенциалы выступают, во-первых, как способы (или модусы) существования человека, во-вторых, как ценностные узлы, квинтэссенции смысла, целей, стремлений, «плавающие опоры», которые задают параметры существования в современном мире [5, с. 15–20], где столько неподлинности, с какой борются герои Крапивина — дети и подростки.

Крапивин погружает своих героев и читателей в мир сложных взаимоотношений, где негативным экзистенциалам — одиночеству, страху, смерти (Крапивина часто критиковали за «жесткость») противостоят экзистенциалы позитивные — дружба, любовь, надежда, вера.

Уникальность вселенной Крапивина — в сочетании романтизма (который хорошо описан исследователями) и экзистенциального подхода, в результате чего возникает особая концепция этического мира незыблемых ценностей, рыцарем которых Крапивин оставался всю жизнь.

Этика Крапивина оригинальна и удивительна. В ней — и «детский» максимализм (а на деле — верность идеалам гуманизма), и житейская мудрость, и богатство опыта, и чуткость, и, главное, доброта и вера в то, что детская честь и детская честность должны быть защищены.

Крапивинский романтизм — это мир детей, решающих экзистенциальные, смысложизненные вопросы бытия самостоятельно и с друзьями, с их помощью и ради них. Писатель считал, что «у детей впереди больше, чем у взрослых, больше надежды на то, что они станут хорошими людьми». Он напоминал скептикам, что Христос говорил: «Будьте как дети».

Вот почему Крапивин выбрал себе личный девиз «Всегда двенадцать»: «У меня есть фамильный герб, зарегистрированный официальной геральдической палатой. На нем золотой кораблик и лента с надписью “Всегда двенадцать”. То есть владельцу этого герба постоянно двенадцать лет. С этим ощущением я и дотянул до старости. И менять это ощущение точно не хочу. Поздно уже» [4].

Детство для Крапивина и его героев — это страна мечтаний и надежд, мир Дружбы, товарищества, а сама «Каравелла» — это реализованная Мечта. Вселенная Крапивина наполнена Детством и Дружбой, как Гринландия Александра Грина — Юностью и Любвью.

Жизненная и творческая философия Владислава Крапивина — это поиск человеческой Истины, гуманистическая этика Поступка, практического Добра, воплощение Справедливости, достигаемой в процессе Соработничества.

Ребенок, подросток в философской концепции Крапивина — всегда субъект, устремленный к другим субъектам, человек, ответственный за людей. Подросток для Крапивина — эталон нравственной красоты, подлинный *субъект среди субъектов*. Его этические маяки и критерии — благородство, достоинство, тяга к справедливости, рыцарство, дружба, подвиг ради дружбы. Построенная совместным трудом Командора и его соратников «Каравелла» и сегодня устремлена вперед как настоящий социальный институт самореализации детей-подростков в творческой, говоря научным языком, практико-ориентированной среде.

Крапивин рассказывал в интервью: «Когда возникает ответственность, возникает конкретное дело, это требует организационных норм. Ходили в походы, потом занялись морским делом, появилась необходимость в дисциплине, потому что туризм и плавание связаны с риском. Развивалось всё это с величайшим трудом, потому что вся местная общественность, все местные школы, всё начальство, естественно, усмотрели в этом вызов системе, и все те годы шла борьба за выживание» [4].

По нашему мнению, Крапивин в ряду мировых писателей и мыслителей, находится рядом с Эразмом Роттердамским, Блезом Паскалем, Достоевским (о связи с творчеством Достоевского см. статью Е. А. Великановой [1, с. 46–48]). И только сейчас это начинают осознавать его критики...

Рассмотрим, как Крапивин и его герои справляются с негативными экзистенциалами.

Тема *одиночества*, вернее преодоления одиночества, — важнейшая тема крапивинского творчества. Одиночество — это экзистенциал, концентрирующий смысложизненную проблематику в аспекте феноменологической топики — в «точке “я”», окруженной личностными границами. Экзистенциал «одиночество» помогает постичь аутентичное «я», выявить и организовать сущностные ценностные характеристики самости. Условие его проявления — дистанцирование личности (свободное уединение, закрепление и утверждение ее автономности) и вынужденное одиночество.

В основе всей философской системы произведений Владислава Крапивина лежит жизненный принцип «Один и один — не один».

В мире писателя герои существуют попарно: как правило, это Подросток и его Друг. Друг, всё понимающий, всегда помогающий и прощающий. Их связывает та дружба, о которой писал Аристотель — глубокая, щемящая душу потребность друг в друге. Аристотель называл *совершенной дружбой* такую дружбу, в которой присутствует и благо, и удовольствие, и постоянство, и сходство дружащих людей, «родственность душ». В «Никомаховой этике» философ называл это «*дружностью*» — лексема эта вмещает в себя равенство и справедливость.

Нередкая модификация этой пары героев — взрослый и ребенок, столь же сильно связанные нитями *судьбинной*, неразрушимой Дружбы. Поэтому так резко относятся герои Крапивина к врагам, так нетерпимы к предательству и подлости.

Особое значение в системе фантастических произведений «Великого Кристалла» имеет символ *окна*. Ольга Виноградова справедливо отмечает, что именно «окно — символ преодоления одиночества, символ того счастья, к которому стремится каждый ребенок у Крапивина (ведь не зря его произведения называли “сиротской литературой”» [2]. «У каждого существа в Кристалле должен быть свой дом с окошком» — эта мысль повторяется множество раз в цикле.

Крапивин замечал: «Мне было важно сказать о силе дружбы, о том, что она может преодолеть самые фантастические преграды. И потому возникают в повести гости из далекого и одновременно близкого параллельного мира — Валерка и Братик. И потому в звездолете, висящем в субпространстве («Голубятня на желтой поляне»), появляется Игнастик, житель планеты Планета. И потому возникает фантастически убедительная теория Великого Кристалла, каждый шаг в развитии которого приближает мироздание к Великой Всеобщей Гармонии — “чтобы у любого, кто живет, было как бы свое окошко, когда оно в домике светится. У всех-всех... А иначе зачем она, эта Всеобщая Гармония?”» [2].

Каждое движение граней Великого Кольца Мироздания, каждое смещение времени в философской системе «Кристалла» происходит от поступка, от желания, от веры ребенка, того, кто сумел «нервами нащупать главный закон Кристалла»: «Один и один — не один» [7, с. 214].

Тут мы подходим еще к одному экзистенциалу — *страху*. Страх — сущностный экзистенциал человеческого бытия, который концентрирует внимание на «возвратной интенции», обращенной не только «от “я”», но и «к “я”», со стороны неких сил, субъектов, сущностей, таящих угрозу целостности человека, сотрясающих основы его существования, разрывающих покровы повседневности (это, прежде всего, страх смерти). Экзистенциал страха, будучи обязательным условием бытия, проявляется во внутреннем напряжении, возникающем при столкновении двух интенций: личностной — «от “я”» и иной, неличностной — «к “я”». Этот процесс осуществляется двояким образом: во-первых, при пассивном отношении к миру как покорном приятии, непринципиальном непротивлении; во-вторых, при активном отношении к миру (противостоянии) как противоположности пассивности и условию мужества [5]. Синтетическим вариантом этого отношения выступает опора на трансцендирующее «начало мудрости» (в христианстве это «Страх Божий»), т. е. начало открывающегося знания, познания «абсолютной» истины как процесс постижения истины Абсолюта. Конечно, крапивинские герои выбирают путь Мужества.

Герои Крапивина самостоятельно осуществляют экзистенциальный выбор, ищут путь из одиночества — к Другу, в суровый мир, где спасение — в любви, в дружбе, в подвиге.

Дело в том, что экзистенциалы одиночества, смерти и страха существуют и проявляются в диалектической взаимосвязи. Тесно связаны между собой и смерть, осознанная как конечность субъекта, и одиночество, понимаемое как поиски своего центра личности. Осмысление смерти может происходить только в одиночестве, а пребывание в одиночестве приводит к мыслям о смерти и очищает эти мысли от «неподлинного».

Связь одиночества и страха — фундаментальная, онтологическая. Страх лежит в основании одиночества и является его конституирующим фактором. Он обнаруживается и «в центре» одиночества (в глубинах самости), и «по краям» одиночества, в момент активности «я», в ходе экспансии, продвижения «вовне», в мир. Страх — внутри «я» и вовне «я», страх приходит извне в «я» (т. е. в мое одиночество). Это страх быть одиноким, остаться совсем одному. Страх быть от-

вергнутым людьми толкает человека обратно в одиночество и не дает покинуть его пределы. С другой стороны, этот же страх побуждает искать и находить смысложизненные опоры одинокого бытия — с его постижением высших истин, с его психологически-компенсаторной, культурно-креативной, философско-универсалистской функциями. Одиночество выступает как защита, ценность, основание и условие творчества, культуры и философии [5]. В основании философской системы произведений Владислава Крапивина лежит открытый им важный экзистенциальный тезис «Один и один — не один». Герои Крапивина, центробежно и центростремительно проживая свое одиночество, преодолевают страх силой веры — в себя, в дружбу, в любовь к людям.

О вере в Бога писатель говорил так: «Я вообще к христианству шел от противного. Не то чтобы взял и поверил, а просто анализируя, пытаясь сопоставлять, пришел к выводу, что без Творца ничего не могло быть, ничего не объясняется» [6]. Если принять во внимание, что отец писателя в прошлом был священником (об этом стало известно только в недавнем прошлом), то можно предположить, что он был крещен при рождении. Но, как известно, Крапивин был «дважды крещен», и это был его осознанный шаг.

Максима «Каждому воздастся по вере его» в философской системе Владислава Крапивина воплощается как способность преодолеть страх, не испугавшись неудачи или возможной смерти: «забраться на высоту и не испугаться — прыгнуть вниз... тогда станешь невидимкой и полетишь» [8, с. 344] (почти как у Серена Кьеркегора, который интерпретировал библейскую притчу об Аврааме и его сыне).

У Крапивина так происходит проникновение из одного пространства-сна в другое: «Надо было выйти на Туманный луг, найти провал и прыгнуть. И если не испугался — очнешься в своей постели...». [9, с. 249]. По этой же схеме происходит и перемещение с грани на грань в произведениях, составляющих цикл «В глубине Великого Кристалла» — не побояться шагнуть в пустоту. Такой полет связан с цепенящим ужасом, но каждый раз герои Крапивина шагают в этот ужас. Ибо лишь тогда их ждет самая главная награда — встреча с Другом. И тогда «смерти нет».

Тема смерти — сколь значимая в концепции Крапивина, столь и часто критикуемая, но писатель-мыслитель, не боясь экзистенциальных тем, нашел свой ответ на эти смысложизненные вызовы. Дело в том, что основание экзистенциала смерти находится внутри сущностного бытийного конфликта — между осознанием неизбежности смерти и желанием продолжения жизни. Постигание и осмысление смерти как экзистенциала — сложная и парадоксальная философская задача.

Смерть как экзистенциал является средством самоидентификации, а также мотивации, мобилизации и актуализации внутренних потенциалов экзистирующего человека. Человек экзистенциально идентифицируется через смерть — изменчивое «зеркало бытия», в котором отражается и тут же дробится на осколки он сам. Теряя свое, близкое и интимное, люди обретают опыт постижения смерти, накапливая окрашенные трагическим теплом воспоминания об ушедших людях.

О. Виноградова пишет: «Для творчества Владислава Крапивина характерно жесткое отношение к своим героям. Мальчишки в его произведениях вынуждены решать неразрешимые иногда даже для взрослых вопросы, как, например, Фаддейка из повести «Оранжевый портрет в крапинку»: “А если у тебя два друга, и так получается: если спасти одного — значит изменить другому? Как тут быть?”; или иначе: чтобы спасти жизнь другу, нужно отнять жизнь у другого существа, золотой рыбки, или погибнуть самому (“Сказки о рыбаках и рыбках”). Они и гибнут довольно часто, что дало возможность некоторым исследователям в шутку определить творческую манеру Крапивина как некроромантизм. Действительно, герои часто оказываются в ситуациях, когда, чтобы совершить добро, требуется отдать жизнь. Для тех, кто “шагнул” — и погиб, чтобы помочь Друзьям или просто людям, нуждающимся в помощи, нет смерти» [2].

Вместе с тем примечательно и другое суждение О. Виноградовой, констатирующей, что эта тема часто лишь намечена, оставлена на «домысливание» читателю. То, что «никто не разбился до смерти», можно объяснить условиями сказочной реальности, сущность которой предполагает чудеса, в том числе и оживление погибших

друзей, и возможность другому герою «вспыхнуть» новой галактикой. В «Сказках о рыбаках и рыбках» есть разговор Князя с рыбкой Золотинкой: «Это не правду говорят, что умирают один раз... Это не так... — говорит Золотинка. — Это просто один из законов Великого Кристалла, который вечен...» [2].

Те мальчишки, которые ценой своей жизни спасают друзей, не гибнут окончательно. В реалистических произведениях они, как говорится, остаются навечно в памяти родных и близких. В сказке «Самолет по имени Сережка» герой уходит в волшебный Заоблачный Город. В системе Великого Кристалла таким местом стала Дорога: Женька из тех же «Сказок о рыбаках и рыбках», отдавший свою живую энергию, чтобы совершилось чудо, уходит на Дорогу, а потом — в иное пространство.

Сам Крапивин вспоминал: «...у меня память детства сохранила истории, когда гибли мои ровесники, тонули в реке. Были такие случаи — под машинами гибли, всё прочее, тоже никуда не денешься. Некоторые даже предлагали изменить сюжет. Вот была такая читательница, школьница Ольга Брилева, она в своем письме прямо потребовала от меня, чтобы я, значит, Яшку оставил в живых, иначе это всё получается нелогично, несправедливо. Через годы она стала литературоведом и написала предисловие к книге Кэтрин Патерсон “Мост в Терабитию”. <...> Это известная во многих странах книга, получила всякие там международные премии и всё такое прочее, о дружбе мальчика и девочки, где девочка гибнет в силу несчастного случая. И вот она, когда написала, вспомнила этот случай с письмом, когда-то написанным, и призналась, что она теперь поняла смысл этого сюжета, и поняла, почему Крапивин пошел на такой шаг, такой сюжет, потому что без таких вот эпизодов, без описания таких случаев жизни литература не может быть полной. Ну, короче говоря, она переосмысливает свою точку зрения сейчас. Мне еще кажется вот что. Что умершие дети, они остаются в нашей жизни, то есть они остаются в памяти, где-то в мечтах, в поступках, которым они нас научили. И остаются в вечности. Ну и, в общем-то, в надежде на встречу. Они зовут к доброте. И вот этот мальчик Джес ведет в страну Терабитию, которую он со своей подружкой придумал, с погибшей подружкой, свою младшую сестренку, как бы повторяя снова сюжет» [6].

Крапивин обращается в этом волнующем диалоге о жизни и смерти к мировой классике и вспоминает «Девочку со спичками» — классическую сказку Андерсена, а также роман Диккенса «Домби и сын», где маленький Поль умирает в середине книги. И там есть очень интересная фраза автора: «О, возблагодарите Бога все те, кто видит ее (то есть смерть), — за другой, еще более древний закон — бессмертия. И не смотрите на нас, ангелы маленьких детей, безучастно, когда быстрая река уносит нас к океану» [6]. То есть, подытоживает Крапивин, не бывает бессмысленной гибели, она все равно чему-то учит, как-то выстраивает души, позволяет по-другому посмотреть на жизнь.

Отвечая на вопрос о том, что происходит с душой «после смерти», Крапивин признается: «Ну у меня есть уверенность в посмертном существовании души, у меня нету четкого представления, уверенности в формах этого существования. <...> Я, например, четко уверен, что Господь создал человечество и, возможно, множество других обитаемых планет и разумных народов для того, чтобы в итоге сложнейшего и очень длинного процесса Вселенная пришла к состоянию всеобщей гармонии, и что каждое живое существо в меру своих сил должно приложить к этому свои усилия. Общая такая формулировка. А если к этому же мнению, что и земные христиане, приходят обитатели планеты Альфа или Бета какой-нибудь галактики номер пять триллионов, то это ведь не значит, что они не разделяют христианских взглядов, хотя, может быть, и не слышали о них. Наверное, главное — в сути, в истине» [6].

Владислав Крапивин выстраивал концепцию книг, исходя из своей собственной личности. Он всегда хотел показать, какой *должна быть жизнь*, старался объяснить читателям, как добиться этого. Он брал материал из реальности, чистил его «от повседневной шелухи и мути», оставляя «сердцевину человеческих отношений» [4].

Главное в его оптимистичной экзистенциальной этике — изменение мира к лучшему путем укрепления нравственности и добродетели, отношению людей друг к другу, всемерное расширение понятия ответственности «за все: за детей, за стариков, за мир на Земле, за будущее планеты, за само звание Человека» [4].

Подводя итог этим выкладкам, приведем еще одно высказывание Командора: «Я искренне верю, что позитивные перемены в жизни могут наступить лишь тогда, когда современные отношения будут строиться не на прибыльности, а на искренности. Надо ценить жизнь всех людей, а не только свою. К сожалению, не всегда и не в полной мере удастся внушить эти мысли людям. Однако в том, чтобы показывать жизнь в ее совершенстве, жизнь такой, какой она могла быть, я и вижу сегодня главную цель Писателя» [3].

Список источников

1. *Великанова Е. А.* Достоевский и Крапивин: параллели сходятся // Вестник Новгород. гос. ун-та. 2008. № 47.

2. *Виноградова О.* Авторская модель мира и человека в нем в философско-аллегорической прозе Владислава Крапивина // Русская фантастика. Официальная страница Владислава Крапивина : [сайт]. URL: <http://www.rusf.ru/vk/recen/1997/vinogr01.htm> (дата обращения: 02.07.2024).

3. Владислав Крапивин (14 октября 1938 — 1 сентября 2020) // «ВКонтакте» : [сайт]. URL: <https://vk.com/@poesie.community-vladislav-krapivin-14-oktyabrya-1938-1-sentyabrya-2020> (дата обращения: 02.07.2024).

4. Владислав Крапивин о творчестве, своем кредо и о том, без чего не стать настоящим писателем // AuthorToday : [сайт]. URL: <https://author.today/post/207678?ysclid=lx8lz82771446459214> (дата обращения: 02.07.2024).

5. *Гагарин А. С.* Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх (от Античности до Нового времени). Екатеринбург, 2001.

6. Дорога негаснущей надежды. Писатель Владислав Крапивин и священник Димитрий Струев // Сетевое издание «Правмир» : [сайт]. URL: <https://www.pravmir.ru/doroga-negasnushhey-nadezhdyi-pisatel-vladislav-krapivin-i-svyashhennik-dimitriy-struev/?ysclid=lo4lvhsvlu322074882> (дата обращения: 02.07.2024).

7. *Крапивин В. П.* Белый шарик матроса Вильсона // Крапивин В. П. Сказки о рыбаках и рыбках : Повести. М., 2005.

8. *Крапивин В. П.* Голубятня на желтой поляне : Роман, повести. М., 2007.

9. *Крапивин В. П.* Самолет по имени Сережа // Крапивин В. П. Дырчатая луна : Фантастические произведения. М., 2006.